

**VERBALIZATION OF THE «BRUTALITY»
CONCEPT IN VARIOUS DISCOURSES
OF UKRAINIAN AND RUSSIAN
LINGUOCULTURES**

L. Shutova, lecturer, Candidate of Philology, Associate Professor
Luhansk National University named after Taras Shevchenko,
Ukraine

The article deals with the analysis of the concept of “brutality” in the Ukrainian and Russian linguocultures on the basis of its representation in dictionaries, as well as in journalistic and fiction discourses. The structure of the concept has been examined including its conceptual, figurative and evaluative components.

Keywords: masculinity, brutality, concept, conceptosphere, linguoculture, stereotypes.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

**ВЕРБАЛИЗАЦІЯ КОНЦЕПТА
«БРУТАЛЬНОСТЬ» В РІЗНИХ
ДИСКУРСАХ
УКРАЇНСЬКОЇ І РУССЬКОЇ
ЛІНГВОКУЛЬТУР**

Шутова Л.І., канд. філол. наук, доцент
Луганський національний університет ім. Т. Шевченка,
Україна

Стаття посвячена аналізу концепта «брутальність» в українській і російській лінгвокультурах на основі його представленості в словарях, а також в публіцистическому і художественному дискурсах, розглянута структура концепта, в частині його понятійна, образна і ціннісна складові.

Ключевые слова: маскуліність, брутальність, концепт, концептосфера, лінгвокультура, стереотипи.

Учасник конференції,
Національного первенства по науковій аналітиці,
Откритого Європейсько-Азійського первенства по науковій аналітиці

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1262>

Современная лингвистика характеризуется повышенным вниманием к когнитивной составляющей языковой картины мира. Язык, по Г. Колшанскому, – это «интериоризация мышления, облеченная в материальную форму» [12, с. 6]. В связи с этим все существующее в нем является важным предметом исследования как результат движения мысли. «Услышать» мысль мы можем посредством слов: «мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не изобрел другого способа)» [4, с. 293]. Культурные смыслы, закрепленные в сознании носителей языка, создают свою систему, называемую концептосферой и представляющую собой объединение концептов. На сегодня существует несколько подходов к исследованию этих «сгустков культуры в сознании человека» (Ю. Степанов). Для наиболее полной картины исследования на сегодня важным является привлечение механизмов психологии, культурологии, гендерологии, этнолингвистики и др.

Поскольку «опыт в коллективном и индивидуальном сознании концептуализируется не произвольно, а в соответствии с определенными ориентирами, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира» [10, с. 122], то современное научное знание должно базироваться на исследованиях способов отображения лингвокультурных

концептов как отдельных, так и нескольких культур, что дает исследователю понимание особенностей сознания представителей разных языковых сообществ и предлагает вектор дальнейших исследовательских действий.

Опираясь на понимание концепта как ментального образования, объединяющего три составляющих (познательную, образную и ценностную), проанализируем структуру концепта «брутальность» в русской и украинской лингвокультурах. Этот термин относительно недавно активизировался в речевом обиходном употреблении двух культур, хотя не является новым для языкового сообщества. Учитывая отсутствие данного термина во многих словарях, но активность его употребления в произведениях современной художественной литературы, в публицистическом и разговорном дискурсах, имеет смысл рассмотреть особенности функционирования его в языковом сознании русского и украинского народов.

Согласно данным словарей, *брутальный* [лат. *brutalis* – жестокий] – грубый, суровый, жестокий, зверский [13, с. 30]. Большой толковый словарь современного украинского языка дает два значения этого слова: «1. Грубый; жестокий (про вдачу, поводження і т. ін.). 2. зах. Великий, сильний» [3, с. 99].

Этимологический словарь украинского языка указывает на польское посредничество этого слова из фран-

цузского языка: «brutal – «грубый, брутальный; тваринячий, звірачий; раптовий, різкий» походить від слат. *brutalis*, пов’язаного з лат. *brūtus* «важкий; незграбний, неповороткий» [8, с. 270].

Толковый словарь украинского языка под редакцией В. Бусела для обозначения брутального, некультурного человека подает слово *бурбон* [3, с. 102], которое оказывается в структуре анализируемого концепта. Характерно, что в русских толковых словарях в семантике слова *бурбон* признак «брутальный» заменен другими определениями: «грубый, невежественный, властный человек» [19].

Слово «брутальный» стало исходным для других производных, сохраняющих в своей семантике признаки грубости и жесткости (брутализм – направление в архитектуре; бруталист – архитектор, работающий с грубой поверхностью или структурой; брутальность – дебоширство).

Синонимический ряд слова «брутальный», по данным словаря синонимов украинского языка, – *грубіянський, грубий, жорстокий* [9, с. 33]. Учитывая семантическую структуру этого слова, поданную в других словарях, синонимический ряд анализируемого концепта выглядит так: *властний, грубий, жесткий, жестокий, невежественный*.

Элементы брутальности могут присутствовать и в устной речи, это происходит при использовании вуль-

гаризмов. Их характеризуют как «грубые, брутально-ругательные слова или обороты, используемые в литературном языке» [23, с. 26]. Брутальность в речи является предметом осуждения в обоих языках как отклонение от культурных норм.

Каждый язык обладает набором универсальных концептов. Неизменными в каждом из них являются концепты «мужчина» и «женщина». Гендерная лингвистика, набирающая обороты в научном поле в последнее десятилетие, имеет в своем арсенале набор ключевых понятий, которые характеризуют отношение к мужчинам и женщинам в том или ином обществе, а также их место, занимаемое в культуре страны. Такими являются концепты «маскулинность» и «феминность».

Гендерные концепты имеют те же характеристики, что и обычные «кванты знания». Поскольку это многомерные лингвоментальные образования, они обладают рядом признаков. Это гетерогенность, внутренняя расчлененность, а также переживаемость (влияние концептов на эмоциональную сферу человека, которому проявляют симпатию или антипатию), семиотическая плотность (наличие тематических и синонимических рядов, полей, наличие данного понятия в литературных сюжетах, произведениях искусства и т.д.), ориентированность на план выражения (наличие парадигматических и синтагматических связей) [6, с. 77].

Социологические исследования конца XX – начала XXI веков показали трансформацию в обществе представлений о гендерной стратификации и гендерных ролях.

Понятие «брутальность» сегодня все чаще связывают с концептами «мужчина», «маскулинность». Сегодня понятие «брутальный мужчина» понимают как объект страсти, человек, обладающий сугубо мужскими признаками: сила, мужество, серьезность, хладнокровие, жесткость, жестокость.

Так называемый актуальный слой структуры концепта (по Ю. Степанову) выявляется в коллективном сознании, представленном текстами СМИ, художественных произведений и т.д.

Контекстуальными синонимами слова *брутальный* в публицистическом дискурсе являются *энергичный, крепкий, неотесанный, бесстыдный*: «*А тот (сорокалетний; может, и сорок пять, крепкий, брутальный) с готовностью выскочил из мастерской*» [18]; «*У мене особисто складалось враження, що в сусідньому будиночку німецькі емігранти знімали найбільш брутальний і безсоромний фільм*» [11].

Как свидетельствуют контексты, противоположные брутальности признаки – сентиментальность («*По крайней мере Анфисе ее нынешний ухажер (парень, кстати, очень брутальный) эту страшную тайну открыл: признался, что смотрел «Волшебную страну» и рыдал, как девочка*») [7]; слабость («*Один брутальный на вид бизнесмен оказался, представьте, слабаком, не допытал свою жертву до предсмертных судорог, сломался раньше*») [20].

Публицистический дискурс создает условия для формирования гендерного имиджа. Так, на страницах газет, журналов, в языке телевидения сформировался образ эдакого брутального мужчины – сурового внешне и мягкого внутри. Знакомясь с этим образом со страниц прессы, современные мужчины понимают, что в некотором роде «не дотягивают» до идеала. Кризис маскулинности, о котором начали говорить на Западе уже в 70-х годах прошлого столетия, перешел в затяжную стадию: «*Я теж, мабуть, не відповідаю їй (дружини – Л.Ш.) уявленням про мужчину. Вчора прийшов з роботи зморений, заснув у кріслі, прикрившись газетою. Син мені свиснув, як на Канарах, і показав очима на маму. Вона якраз пролітала на мітлі. Жіночий імператив завше один: ти винен і ти повинен*» [16, с. 89-90]. Где уж тут быть настоящим мужчиной в мире, где правят женщины! В романе украинской писательницы Леси Романчук «Не залишай мене надовго» показан современный мужчина глазами женщины, которой не хватает брутальности в его характере: «*Софія зрозуміла, нареши́ти, чого хоче. Їй хотілося, щоб Сергій побив Максима. У справжній чоловічій бійці, без умовностей, не метафорично, кулаками*»; «*Чоловік, що виявляє в цьому сенсі більш циві-*

лізовані реакції, виглядає тухлієм: «І оця нікчема, цей боягуз, що навіть не вмiє по-чоловічому поглянути в очі хай позірній небезпеці, і є її гордий, завжди певний себе Максим?»; «*І Софія зрозуміла: усі ці роки вона була заміжня за ... не за чоловіком, це точно*» [21, с. 84-85]. Вспомним в связи с этим самохарактеристику героя фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром» Жени Лукашина: «*Рядовой сотрудник с рядовой зарплатой и сомнительной внешностью. Некая мужская «усредненность» стала обыденным явлением в нашем обществе: «В постсоветском Интернет-пространстве нашел дальнейшее развитие архетип мужской несамостоятельности, особенно отчетливо проявившийся на фоне актуализации образа независимой женщины. Эта оппозиция, несамостоятельный мужчина – сильная женщина, свойственна всей славянской культуре», хотя, как отмечает далее Л. Компанцева, «у украинских женщин изначально было более независимое положение в семье и общине, чем, например, у россиянок и белорусок» [14, с. 126].*

Образная составляющая концепта определяется синтагматическими связями слова. Прилагательное *брутальный* наиболее часто (если речь идет о мужчине) употребляется со словами *мужчина, мачо* и *самец*: «*В общем, стал совсем похож на боевика или латиноамериканского партизана. Эдакий брутальный мачо. Заявиться в таком виде в отцовский дом я не решался, и, когда отправлялся к родителям, переодевался в гражданскую одежду и тщательно прятал пистолет под курткой*» [22]; «*Пастернак – не тот брутальный самец, который, закрыв глаза, идет на сигнал женской плоти...*» [2].

По материалам сетевой энциклопедии, *мачо* (от исп. *macho* – букв. самец) – «агрессивный, прямолинейный мужчина, обладающий ярко выраженной сексуальной привлекательностью» [1]. Согласно словарям, «*мачо – сильный, мужественный мужчина // грубый, неотесанный человек*» [17]; «*енергійний, мужній чоловік; справжній чоловік; перен. самець*» [3, с. 653]. Как видим, украинский словарь относит выраженную предель-

ную маскулинность, агрессию мужчины на периферию семантической структуры слова, подает это как переносное значение и определяет прямое номинативное значение как позитивную характеристику мужчины.

И.С. Кон в своей книге «Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире» отмечает, что классический образ мачо создан по образу и подобию могучего доминантного Альфа-самца. И хотя по некоторым данным, таких мужчин всего 10-20%, именно они считают себя «настоящими мужчинами» и проявляют себя там, где необходимо показать силу, а часто и грубость (война, силовые виды спорта). По словам И.С. Кона, «поскольку эти свойства филогенетически самые древние и на них жестко ориентирована любая мальчишеская и юношеская субкультура, их поддерживают и им завидуют и многие мужчины, сами не принадлежащие к этому типу» [15].

Анализ российских и украинских публицистических текстов показал, что восприятие и оценка слова «мачо» зависит от контекста и даже интонации. Мачо – не просто мужчина, а синоним понятия «супермужчина», «настоящий мужчина». Его отличительные признаки – агрессия, брутальность (читай: жесткость). Что же отличает настоящего мужчину от просто мужчины? Социологический опрос, проводимый в канун 23 февраля газетой «Комсомольская правда» показал, что брутальный, смелый, эрудированный – самые востребованные качества сильной половины человечества.

Для украинцев негативный аспект характеристики слова «брутальный» все еще остается на высоком уровне и является ключевым: «*Але досить зміниться погоді, і я міняюсь, «душа» міняється, я роблюся злий, брутальний, аморальний, мені все огидне*» [5].

Слова *брутальный, брутал, мачо* активизировались в употреблении в сети Интернет. Они часто составляют сетевое имя пользователя: «Брутальный покидьок», «Брутальный Меланхолик», «Викинг Брутальный», «Brutal», «Brutal Bunny», «Brutal Murderer», «DJ Brutal». Перечень никнеймов, конечно, далеко не полный. Но их существование и стремление людей к именно такой номинации в Сети объ-

ясняется попыткой создать себя как виртуальную личность, в основе которой «лежат понятия ролевой игры и импровизации. Пробуя себя в различных виртуальных образах, сетяне не только отрабатывают возможные и желаемые модели поведения, но и переформируют свой собственный внутренний мир, вырабатывают новую модель поведения в реале» [14, с. 267]. Следует также отметить, что чаще все-таки пользователи выдают желаемое за действительное и приписывают себе несуществующие черты характера в силу разных причин (скованности, косноязычия, наличия различных комплексов и т.д.).

Обобщая вышесказанное, отметим, что концепт «брутальность» по отношению к человеку и в русской, и в украинской лингвокультурах характеризуется такими признаками как грубость, жестокость, властность, невежественность, что имеет негативную коннотацию. Признак брутальности отмечен и в отношении к предметной сфере. Соприженность его с концептами «маскулинность» и «мужчина» вносит в семантику позитивный компонент, поскольку во многих соответствующих контекстах этот признак – один из идеализирующих признаков мужчины для представительниц противоположного пола.

Исследование концепта «брутальность» как составляющая исследований маскулинности не является исчерпывающим, а только дополняет существующие научные данные. Перспективным, на наш взгляд, является анализ структуры данного концепта в других славянских и иных культурах.

References:

1. Wikipedia, macho, the Free Encyclopedia [Online resource]. Wikipedia., Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/macho>.
2. Anninskij L. Russkij chelovek v Hurgade i v Marburge [A Russian in Hurgada and in Marburg] [Online resource]., Anninskij L. Druzhiba narodov [People's friendship], 2005., No. 12., Access mode: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2005/12/an21-pr.html>.
3. Velikij tlumachnij slovnik suchasnoї ukrains'koї movi [Big

explanatory dictionary of the modern Ukrainian language]. Edited by V.T. Busel. – Kyiv., Irpin', VTF «Perun», 2005.

4. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and the description of languages]. – Moskva., Jazyki russkoj kul'tury [Russian culture languages], 1999. – 780 p.

5. Vinnichenko V. Chesnist' z soboiu [Self-honesty] [Online resource]., Vinnichenko V., Access mode: http://ukrlit.org/vynnychenko_volodymyr_kyrylovych/chesnist_z_soboiu/16.

6. Vorkachev S. Lingvokonceptologija i mezhkul'turnaja komunikacija: istoki i celi [Linguoconceptology and cross-cultural communications: sources and purposes]., Filologicheskie nauki [Philology]. – 2005., No. 4., pp. 76-83.

7. Danilova S. Macho tozhe plachut? [Do machos cry too?] [Online resource] Danilova S., Komsomol'skaja Pravda [Komsomol Truth], 2008.10.22., Access mode: <http://www.kp.ru/daily/24185/393319>.

8. Etimologichnij slovnik ukrains'koї movi [Etymology dictionary of the Ukrainian language]., Vol. 1. – Kyiv., Naukova dumka [Scientific thought], 1982.

9. Karavans'kij S. Praktichnij slovnik sinonimiv ukrains'koї movi [Practical dictionary of the Ukrainian synonyms]. – Kyiv., Ukrains'ka kniga [Ukrainian book]., 2000.

10. Karasik V.I. Jazykovaja kristallizacija smysla [Language crystallization of the sense]. – Moskva., Gnozis, 2010. – 351 p.

11. Kidruk M. Meksikans'ki hroniki. Istorija odnєї Mrii [Mexican chronicles. Story of one dream]. [Online resource]. Kidruk M., Access mode: <http://mreadz.com/new/index.php?id=128217&pages=55>.

12. Kolshanskij G.V. Obektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke [Objective picture of the world in knowledge and language]. – Moskva., KomKniga, 2010. – 128 p.

13. Komlev N.G. Slovar' inostrannyh slov [Foreign words dictionary]. [Online resource]. Komlev N.G. – Moskva., JeKSMO-Press, 2000. – 1308 p., Access mode: <http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov.html>.

Литература:

14. Kompanceva L.F. Gendernye osnovy Internet-kommunikacii v postsovetskom prostranstve: Monografiya [Gender bases of Internet communication in the post-Soviet space: Monograph]. – Lugansk., Al'ma-mater, 2006. – 392 p.

15. Kon I.S. Menjajushhiesja muzhchiny v izmenjajushhemsja mire [The changing men in the changing world]. Maskulinnost' kak istorija [Masculinity as history]. [Online resource]., Kon I. S., Access mode: http://read.newlibrary.ru/read/kon_i_s_/page25/menjajushhiesja_muzhchiny_v_izmenjajushhemsja_mire.html.

16. Kostenko L. Zapiski ukrains'kogo samashedshogo [Notes of the Ukrainian madman]. – Kyiv., A-ba-ba-ga-la-ma-ga, 2010. – 416 p.

17. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]., Edited by S.A. Kuznecov [Online resource]. – St. Peterburg: Norint, 2000. – 1536 p., Access mode: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.

18. Makanin V. Andegraund, ili Geroy nashego vremeni [Underground or the Hero of our time] [Online resource]. Makanin V., Access mode: http://royallib.com/read/makanin_vladimir/andegraund_ili_geroy_nashego_vremeni.html.

19. Ozhegov S.I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. RAN. In-t rus. Jaz [RAS. Institute of the Russian language]. – Moskva., Azbukovnik, 1999.

20. Pavljuchik L. Otmorozok s pajal'noj lampoj [The dolt with a blowtorch]. [Online resource]., Pavljuchik L. Work-7, 2007.08.02., Access mode: <http://www.trud.ru/article/02-08-2007/119124.html>.

21. Romanchuk L. Ne zalishaj mene odnu [Don't leave me alone]., Vol. 3. – Ternopil', Dzhura, 2002. – 312 p.

22. Sadulaev G. Shalinskij rejid [Shalinsky raid] [Online resource]., Sadulaev G. Znamja [Banner]. – 2010., No. 1., Access mode: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html>.

23. Slovník zhurnalista: Termini, mas-media, postati [The journalist's dictionary: terms, mass media, statures]. Edited by Ju.M. Bidzili. – Uzhgorod., VAT «Vidavnictvo «Zakarpatja», 2007.

1. Wikipedia, мачо // the Free Encyclopedia [Электронный ресурс] / Wikipedia. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/мачо>.

2. Аннинский Л. Русский человек в Хургаде и в Марбурге [Электронный ресурс] / Аннинский Л. // Дружба народов, 2005. – № 12. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzha/2005/12/an21-pr.html>.

3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і гол. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005.

4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

5. Винниченко В. Чесність з собою [Электронный ресурс] / Винниченко В. – Режим доступа: http://ukrlit.org/vynnychenko_volodymyr_kyrylovych/chesnist_z_soboiu/16.

6. Воркачев С. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76-83.

7. Данилова С. Мачо тоже плачут? [Электронный ресурс] / Данилова С. // Комсомольская правда, 2008.10.22. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24185/393319>.

8. Етимологічний словник української мови. Том 1. – К.: Наукова думка, 1982.

9. Караванський С. Практичний словник синонімів української мови. – К.: Українська книга, 2000.

10. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.

11. Кідрук М. Мексиканські хроніки. Історія однієї Мрії [Электронный ресурс] / Кідрук М. – Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=128217&pages=55>.

12. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: КомКнига, 2010. – 128 с.

13. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Комлев Н.Г. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1308 с. – Режим доступа: <http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov.html>.

14. Компанцева Л.Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве: Монография. – Луганск: Альма-матер, 2006. – 392 с.

15. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Маскулинность как история [Электронный ресурс] / Кон И. С. – Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/kon_i_s_/page25/menjajushhiesja_muzhchiny_v_izmenjajushhemsja_mire.html.

16. Костенко Л. Записки українського самашедшого. – К.: А-ба-ба-га-ла-ма-га, 2010. – 416 с.

17. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>.

18. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени [Электронный ресурс] / Маканин В. – Режим доступа: http://royallib.com/read/makanin_vladimir/andegraund_ili_geroy_nashego_vremeni.html.

19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. – М.: Азбуковник, 1999.

20. Павлючик Л. Оtmorozok с паяльной лампой [Электронный ресурс] / Павлючик Л. // Труд-7, 2007.08.02. – Режим доступа: <http://www.trud.ru/article/02-08-2007/119124.html>.

21. Романчук Л. Не залишай мене одну. – Кн. 3. – Тернопіль: Джюра, 2002. – 312 с.

22. Садулаев Г. Шалинский рейд [Электронный ресурс] / Садулаев Г. // Знамя. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/sa2.html>.

23. Словник журналіста: Терміни, мас-медіа, постаті / За заг. ред. Ю.М. Бідзілі. – Ужгород: ВАТ «Видавництво «Закарпаття», 2007.

Information about author:

Lilia Shutova - Lecturer, Candidate of Philology, Associate Professor, Luhansk National University named after Taras Shevchenko; address: Ukraine, Luhansk city; e-mail: lilshu@mail.ru